

Ховес В.Ю.

Доцент кафедры философии Гуманитарного института,
Сибирский федеральный университет

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА УТВЕРЖДЕНИЯ ДУХОВНОСТИ В ПОЛИТИКЕ

Аннотация

Целью статьи является исследование духовного фактора политической деятельности. Выясняется соотношение категорий духовности и политики. Рассматривается диалектика взаимодействия факторов детерминации политической власти. Исследуются проблемы и противоречия процессов утверждения духовности в области политических отношений. В качестве примера духовного обоснования политики рассматривается социальная концепция Русской Православной Церкви. Предлагается вывод о том, что формирование правового государства и гражданского общества неотделимо от возрождения нравственных, духовных основ общества.

Ключевые слова: политика, духовность, свобода и необходимость, правовое государство
Keywords: politics, spirituality, freedom and necessity, the rule of law

Осмысление истории составляет существенный аспект самопознания человечества. Постигание смысла своего бытия, в том числе в политической сфере, формирует мировоззрение человека, его духовный мир. Но совместима ли политика с духовностью?

Политика как особая сфера общественных отношений начала формироваться около пяти тысяч лет назад. Политика - это область социальных отношений, складывающихся по поводу власти в обществе. Понятие же духовности предполагает сферы мышления, чувств и деятельности, в которых раскрываются экзистенциальные качества человека как существа свободного, творческого и нравственного, способного к самовозрастанию личности. Коррелируют ли политика и духовность?

Проблема в том, что данные категории базируются на различных основаниях. Политическая власть, осуществляемая, в первую очередь, государством, предполагает императивное управление. Духовность же - область личностной свободы.

Политическая власть выступает как волевое суверенное (фр. *souveraineté* - господство) выражение интересов субъекта власти. Под субъектом власти понимаются те общественные группы, которые имеют реальное превосходство в обладании ресурсами общества - экономическими, политическими, идеологическими, информационными, правовыми.

Облеченный властью человек находится на «развилке» свободы и детерминированности. Носитель власти обладает механизмом управления, помогающим ему осуществлять волевые действия. Государство, выражающее интересы как субъекта власти, так и свои собственные интересы, как правило, играет активную самостоятельную роль. Государственная власть способна оказывать значительное воздействие и на правящие элиты, и на общество в целом.

Любая государственная власть, в том числе и демократическая, обладает правовой возможностью накладывать ограничения на общество и граждан, в определенных законом случаях применять насилие, ограничивая свободу. Государство обладает прерогативой правотворчества. Изначально право трактовалось, по превосходному определению римского юриста Цельса, как «искусство доброго и справедливого». К этому возвышенному пониманию права римские же юристы добавили: «Действие права - повелевать, запрещать, разрешать, карать» (Дигесты).

С другой стороны, свободная воля и действия носителей власти детерминированы интересами и требованиями политических элит, уровнем развития экономики страны, ожиданиями и запросами общества, особенностями его политической и правовой

культуры, традициями страны, геополитической ситуацией и многими другими факторами. В современном демократическом государстве власть связана правом, действует конституционный принцип приоритета закона, равенства граждан перед законом и судом. Деятельность политиков ограничена правом.

Иначе говоря, сущностные характеристики власти включают как свободное самоопределение политиков, так и детерминированность их действий.

В этой дихотомии, в сочетании свободы и несвободы, проявляется одно из противоречий природы политической власти.

Носитель власти, в деятельности которого постоянно коррелируют свобода и детерминизм, стоит перед необходимостью принятия ответственных решений, касающихся многих людей, часто сталкивается с проблемой нравственного выбора. «Человек поставлен на вершину, где имеет в себе источник свободного движения и к добру, и к злу; он - на распутье. Что бы он ни выбрал, это решение будет его деянием» [7, 39.]

Источники политической мысли свидетельствуют о корреляции политики и нравственности, являющейся имманентной сущностью духовности. Например, основоположник политической науки Аристотель трактовал политику как науку о добродетельном гражданине и правильном государстве, а государство рассматривал в качестве высшего проявления общины. Цель и смысл государства Аристотель усматривал в достижении общего блага. Смысл этого блага виделся великому мыслителю в максимально полном раскрытии заложенных в человеке добродетелей. Человек, будучи «политическим существом», выступает как носитель «арете» - нравственности, добродетели, а следовательно, - свободы. Ведь достижение «арете» понималось Аристотелем в аспекте свободного, разумного и волевого выбора меры добродетели - удаления от пороков.

В Новое время сформировалась философская трактовка свободы как познанной необходимости. Понятие необходимости предполагает идею закономерного развития. Законы природы и истории нельзя «отменить» или обойти. Но человеку дана способность познания объективных законов и творческого их использования в своей социальной деятельности. В каждый момент истории потенциально сосуществуют различные варианты осуществления необходимости, которая прокладывает себе дорогу через множество случайностей. Какой именно вариант развития событий возобладает, - в большой мере зависит от действий акторов политики.

В осуществлении объективных законов истории значительную роль играют субъективные факторы. Поэтому «линия истории» - не прямая, а «изломанная». Чередуются прогресс и регресс, периоды поступательного развития сменяются откатами назад, попятными движениями. Разумеется, полного возвращения к прошлым порядкам никогда не бывает. Существует понятие волнообразного политического развития, особенно характерного для обществ, вступивших в долговременный период крупных политических и экономических перемен. Насколько управляемым и длительным окажется откат, когда и каким образом будет совершаться новое поступательное движение, - в значительной мере зависит от сознательных действий людей, осуществления их свободной воли.

В книге «К вопросу о роли личности в истории» Г. В. Плеханов глубоко исследовал соотношение необходимости и случайности в истории, рассмотрел корреляцию объективных и субъективных факторов, роль выдающихся деятелей истории. «Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием

общественных отношений; он берет на себя почин осуществления этих нужд. Он - герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом - все его значение, в этом - вся его сила. Но это - колоссальное значение, страшная сила» [4, 38].

Разумеется, далеко не каждый политик соответствует критериям великого человека. Наиболее плодотворные перспективы политики связаны с деятельностью тех носителей власти, для которых политика - «это не просто работа, это увлечение. Нас избирают для того, чтобы мы могли помочь улучшить жизнь людей. Просто "выпасть" из политики невозможно, так же как вы не можете прекратить любить искусство или музыку... Политика бесконечна» [6, 77].

Несомненно, для многих политиков властная карьера значима тем, что дает им, говоря словами М. Вебера, некие внутренние радости. «Прежде всего, она дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, но в первую очередь - чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, - способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности» [1, 689].

Значение политики может сублимироваться в категорию интегрирующей социальной силы, реализующей свободу как познанную необходимость. Осознавая свою ответственность перед обществом, политики могут способствовать успешному функционированию социального государства, свободному развитию страны, духовному обновлению общества. Эти цели провозглашает и Конституция нашей страны: «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (Конституция Российской Федерации, статья 7).

Как во властолюбии политиков, так и в желании общества иметь достойную политическую систему проявляется естественное стремление людей к свободе и благосостоянию. Но в этом стремлении неизбежны коллизии между властью и обществом. Государство желает управлять и расширять свои полномочия, а гражданское общество старается сохранить для себя как можно больше свободы, конституционными средствами ограничивает государственную власть и контролирует ее действия. Конституционный строй современного демократического государства предусматривает хорошо продуманную систему сдержек и противовесов, посредством которой гражданское общество старается умерить чрезмерные властные устремления политиков.

Что же дает власть личности политика в аспекте духовности? Мотивация стремления к власти бывает различной. Властолюбие может быть обусловлено личностным желанием независимости, пусть даже иллюзорной, от стихий мира, от случайных угроз, от превратностей жизни. Обладание рычагами власти способно дать человеку субъективное ощущение собственной значимости, независимости и свободы.

Стимулом стремления к власти может выступить и меркантильный, даже коррупционный интерес, желание с помощью власти обрести материальное богатство, создающее иллюзию господства. Названные мотивы могут сочетаться с желанием компенсировать ощущение собственной интеллектуальной или какой-либо иной личностной ущербности. Разумеется, корыстные мотивы властолюбия имеют мало общего с духовностью.

Более сложное понимание власти связано с возможностью воздействовать на жизнедеятельность общества, со стремлением быть в некотором смысле творцом истории. Такое восприятие власти, даже обусловленное эгоистическими побуждениями, может иметь конструктивный характер и привести к положительным достижениям.

Наиболее основательным и плодотворным является духовное понимание власти. Например, православная трактовка государственности подразумевает активную роль людей, в том числе носителей власти, в процессе творческого преобразования мира на гуманных началах. Изначально человек получил задание хранить и возделывать землю.

Согласно социальной концепции Русской Православной Церкви, личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха, поэтому государство представляет собой необходимый элемент в испорченном грехом мире. В то же время необходимость государства вытекает не непосредственно из воли Божией о человеке, но из последствий грехопадения и из согласованных действий по ограничению господства греха в мире. Священное писание призывает власть имущих использовать силу государства для ограничения зла и поддержки добра, в чем и видится нравственный смысл существования государства. Участвуя в функционировании властных институтов, православный мирянин призван основывать свою деятельность на нормах евангельской морали, на единстве справедливости и милосердия, на заботе о духовном и материальном благе людей, на любви к отечеству, на стремлении преображать окружающий мир по слову Христову. Так трактует предназначение власти Русская Православная Церковь .

Но большинство властных решений, констатирует Церковь, приносят пользу одной части общества, одновременно ограничивая или ущемляя интересы и желания других. Многие такие решения и действия сопряжены со злом. «Именно поэтому от православного политика или государственного деятеля требуется крайняя духовная и нравственная чуткость» [3]

В истории имеется немало примеров политики, наполненной духовным, нравственным смыслом. Но вмешивалась такая объективная данность, как отчужденный характер общественных отношений. Политика, основанная на высокой морали и гуманистических побуждениях, далеко не всегда получала устойчивую социальную поддержку. Об этом свидетельствует трагическая судьба многих выдающихся политиков, в том числе и в нашей стране.

Причины такого отторжения, разлада между гуманизмом и политикой, заключались не только в субъективных ошибках политиков, но и в том, что некоторые из этих людей намного опережали свое время.

Борцы за светлое будущее - сторонники передовых идей социальной справедливости - сталкивались с объективной невозможностью осуществления прекрасных идеалов. Результаты борьбы великих поборников гуманистического преобразования общества оказывались противоположными их возвышенным целям, устремлениям и надеждам. «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого ими класса... он неизбежно оказывается перед дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями... Кто хоть раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно» [8, 422 - 423].

Далеко не всегда актер политики способен прогнозировать результаты своих действий. Многие в истории делались методом проб и ошибок. Результаты социальной деятельности часто оказываются непредсказуемыми, превращаются в силу, враждебную человеку и господствующую над ним. Такое превращение называется в философии отчуждением.

По словам историка В. О. Ключевского: «Человек работал умно, работал и вдруг почувствовал, что стал глупее своей работы».

Конечно, даже в условиях социального отчуждения личность способна "приподниматься" над объективными обстоятельствами, расширять горизонт своей свободы, совершать (хотя бы мысленно) выход за рамки детерминизма. Но опасно, если уверенность политика в своих силах превращается в самоуверенность, провоцирует волюнтаризм и нравственный релятивизм. «Если добро и зло относительны, значит, их нет. Там, где нет ни добра, ни зла, - позволено все. И хотя торжественно декларируется,

что "человек - это звучит гордо", именно такие декларации человека унижают и раздавливают катком истории». [5, 543).

Утверждение во многих современных странах демократических, правовых принципов способствует если не полному преодолению отчуждения, то значительному сокращению диапазона его действия. Политическая власть в правовом государстве призвана способствовать формированию условий, благоприятных для достойной, творческой жизни и свободного развития человека. Именно в этом состоит духовный смысл политики. Доброкачественность власти и управления является одним из решающих факторов плодотворного развития страны. Чрезвычайно важен положительный нравственный образ политика, пользующегося доверием народа и несущего ответственность перед обществом.

Не во всех странах современного мира сложились условия для проявления духовного аспекта политики. В условиях слабости гражданского общества нарушаются все принципы конституционализма как системы ограничения власти. В системе имитационной «демократии» проявляется опасность нравственной и интеллектуальной деградации как политиков, так и подвластных. Авторитарно-бюрократическая редукция личности харизматического или псевдохаризматического политика может оказать негативное воздействие на жизнь общества. Фактическое восстановление однопартийности и монопольной власти чиновничества не содержит плодотворного начала. Несостоятельны как бюрократический этатизм, так и уклонение государства от социальной ответственности. Деструктивна система, в которой укореняется бюрократический произвол и многие должностные лица утрачивают чувство гражданской ответственности и нравственные ограничения.

Авторитарно-бюрократическая коррупция (*corruptio* - порча) государства способна элиминировать духовность из жизни как политиков, так и подвластных им людей.

Бюрократия - явление столь же древнее, как государственность. Любая политическая власть нуждается в четко работающем, хорошо отлаженном механизме управления. Бюрократия в правовом государстве представляет собой канцелярскую машину - аппарат управления, не играющий самостоятельной политической роли. Но при неблагоприятных для общества условиях этот аппарат способен потеснить органы законной власти и даже подменить их. Бюрократическая деформация политической власти происходит, если административно-командные методы становятся более значимым регулятором, чем принципы конституционализма. И устанавливается политическая монополия чиновничества, диктатура бюрократии, нередко персонализированная в лице харизматического (или псевдохаризматического) лидера. Практически неограниченные властные полномочия делегируются несменяемому на протяжении многих лет лидеру, которому якобы нет альтернативы. Подобное положение дел противоречит демократическим нормам и вряд ли совместимо с духовностью, даже если несменяемый лидер позиционирует себя в качестве верующего человека.

В демократическом социальном государстве (термин из Конституции ФРГ) бюрократия как исполнительный аппарат управления подчинена политикам, избираемым народом. Вместе с тем, как показывает история, бюрократические структуры могут монополизировать политическую власть, если демократия не имеет устойчивых оснований, а конституционные принципы не осуществляются либо действуют фиктивно.

Крайне деструктивную роль, - как в аспекте духовности, так и в плане общего развития страны, - играют симбиоз политической власти с паразитическим капиталом, узурпация власти олигархией. В политологическую терминологию последних лет входит понятие «номенклатурная бюрократия» - сращивание чиновничества с плутократией. Речь идет о превращении бюрократии в псевдобуржуазную силу, использующую власть для монополистического контроля над ресурсами общества.

Природа бюрократии двойственна. В ней присутствуют и своекорыстные устремления, и выполнение жизненно необходимых обществу функций. Макс Вебер называл бюрократию самой лучшей и точной государственной машиной,

осуществляющей чистый тип легального господства. Вместе с тем, М. Вебер отмечал, что бюрократия создает скорлупу зависимости, с которой люди вынуждены будут, подобно простолюдям в древнеегипетском государстве, бессильно смириться.

Альфред Вебер констатировал, что в социальной жизни разрастается громадный бездушный аппарат, стремящийся подчинить себе все свободное и самопроизвольно существующее. Бюрократический аппарат стремится всё схематизировать и умертвить индивидуальность. Происходит поглощение живых сил мертвым аппаратом. Работник превращается в придаток машины, человек - в придаток канцелярии. Бюрократия изымает из общественной жизни элементы независимости, свободного мужества, непрерывного развития сил. Бюрократическому механизму требуются, с одной стороны, рационалист, а с другой - ограниченный честолюбец. Вебер писал и об идолопочитании чиновничества, то есть его преклонении перед фетишем власти.

Карл Маркс рассматривал бюрократию и как проводника интересов господствующего класса, и как особую корпорацию. «Так как бюрократия есть по своей сущности «государство как формализм», то она является таковым и по своей цели. Действительная цель государства представляется, таким образом, бюрократии противогосударственной целью. Дух бюрократии есть «формальный дух государства». Она превращает поэтому «формальный дух государства», или действительное бездушие государства, в категорический императив. Бюрократия считает самоё себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Её иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всём, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всём, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение.» [2, 271].

Доминирование авторитарно-бюрократических сил стимулирует в части общества эскапизм, то есть стремление бежать, удалиться из области политической активности в частную жизнь. Эскапизм есть закономерный результат тех негативных тенденций, на которые указывали Маркс и Вебер.

Эскапизм - это проявление протестных настроений, возникающих, в том числе, в отношении деформированной, деградирующей псевдодемократии. Если демократия оказывается в плену криминалитета, демагогии и обмана, граждане могут разочароваться и в идеях народовластия, и в системе либеральных и демократических ценностей. Можно вспомнить судьбу Сократа, которого Гелия (суд присяжных) по заведомо ложным обвинениям приговорила к смертной казни. Сократ не был противником демократии, но порицал её негативные стороны: бездуховность и демагогические проявления. Занимавший ранее активные общественные позиции, великий мыслитель счёл возможным заявить в суде следующее: «Нет, тот, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему суждено уцелеть хоть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное попрание не должен».

В системе деформированной демократии эскапизм нередко проявляется в неявке на выборы, в убеждении, что участие в голосовании якобы бессмысленно, так как его результаты обусловлены давлением административного ресурса. В условиях экономических неурядиц и коррупции усиливается недоверие народа к власти.

Стремясь укрепить свой рейтинг, якобы демократическая, а на деле авторитарно-бюрократическая, власть стремится объяснить трудности происками внешних «врагов», навязывает обществу конфронтационный подход к международным делам, к мировому сообществу.

В долгосрочном историческом плане авторитарно-бюрократическая диктатура обречена, так как само её существование противоречит естественному стремлению людей к счастью и к устойчивому правопорядку. Решающую роль в будущей истории страны

сыграют укрепление среднего класса, стремление сознательных социальных групп к утверждению законности и справедливости. Несомненно, важнейшим фактором является упрочение правосознания и политической культуры в обществе.

Вместе с тем, укрепление основ демократической государственности и гражданского правопорядка неотделимо от возрождения нравственных, духовных основ жизни общества.

Святейший Патриарх Алексей II размышлял: «Мне думается, что есть три типа общества. Первый - это диктатура. В этом случае члены общества лишены свободы и находятся у правителей в лучшем случае на положении презираемых пасынков. В обществе - порядок, но, как только крепкая рука ослабевает, дети, в порыве свободы, сметаю́т все на своем пути. Второй, самый ужасный тип - общество хаоса. Здесь нет никакой подлинной демократии. Здесь властвуют грубая сила и злая воля. Третий тип общества - это когда люди обладают полной свободой, но понимают, что ее нельзя использовать во вред себе и друг другу, ибо это приводит к убийству и самоубийству - сначала духовному, потом физическому.

Главная свобода - свобода от рабства самому себе, своему греху, злу, таящемуся в наших сердцах. Если мы эту свободу обречем, наше общество будет гармоничным и достойным» [5, 516 - 517].

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд., Т. 1.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. - URL: <https://clck.ru/Jb8xH> (дата обращения: 26.09.2019).
4. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. - М.: Госполитиздат, 1938.
5. Святейший Патриарх Алексей II о путях спасения, о современном мире, о служении Русской Православной Церкви // Мысли Русских Патриархов от начала до наших дней. - М: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999.
6. Ховес В. Ю. Политическая культура и политическое сознание // Политология. Общество и личность в современном мире - Красноярск: КГТУ, 1998.
7. Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы. - С.-Пб.: 1908.
8. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т.7.